

Любовь Гуревич

Тексты художников ленинградской «2-й культуры»:
Доклад на семинаре «Искусство самиздата»

Есть художники, чье литературное творчество едва ли не равноценно живописному: Владлен Гаврильчик, Геннадий Устюгов, Владимир Шинкарев. Есть те, о которых трудно сказать, кто они в первую очередь: художники или поэты, писатели. Кто Алексей Хвостенко, Борис Кудряков, Глеб Морев, Леон Богданов? Кроме того, большинство художников время от времени что-то писало, обычно не для печати и все-таки для читателя. Я не делаю полного обзора, не буду перечислять все мне известные имена и тексты. Я лишь намечу общую схему и остановлюсь на некоторых образцах – не на канонических литературных жанрах, но на своеобразии иной продукции.

Тексты художников можно разделить на не имеющие касательства к изобразительному искусству и связанные с ним.

Абсолютно не имеют касательства только тексты специальные, то есть обусловленные другой профессией, когда таковая была. Например у Якова Виньковецкого: «Геология и общая теория эволюции природы», у Андрея Эндера: «Требование композиции и органики при проектировании металлорежущих станков», размышления о театре Евгения Михнова-Войтенко.

Может не иметь отношения к изобразительному искусству литература в чистом виде: стихи, рассказы и повести. Но часто оно там фигурирует, или они полностью посвящены ему. О художественной среде написаны стихотворные пьесы «Гаденыш» Владлена Гаврильчика (он ее определил как «драму для мультфильма») и «Маленькая трагедия» Михаила Иванова. У Гаврильчика действуют абстрактные персонажи с говорящими именами – Гаденыш, Мямлик, Шустрик, обозначающими типы художников, у Иванова – реальные персонажи среды неофициального искусства. Олег Фронтинский писал эпиграммы в основном на художников. У Владимира Яшке есть стихи, описывающие процесс создания картины. Есть серия танок под названием «Тихо картины и хайки пишу». Танки такого рода: «пьяница сволочь дерьмо говорит мне подруга тихо картины пишу»; «лопнули трубы говном заливают тихо картины пишу»; «радость осталась могу поделиться пока что не мочат тихо картины пишу».

В текстах документальных – дневниках, записках, автобиографиях, мемуарах – естественно присутствует как относящееся к изобразительному искусству, так и иное содержание.

В 1980-е годы создавались и печатались в «Часах» «Заметки о чаепитии и землетрясениях» Леона Богдановна. Сам он называл их дневником, и в самом деле: его записки фрагментарны, фиксирует только что случившиеся, содержат разговоры с собой. Но обязательную принадлежность дневника – дату он ставил редко и относился к этим писаниям, как к литературному труду: видел в них нечто целостное, производил

сознательный отбор тем. Он формулирует, каким должен быть дневник в 1984 году: «расписание того, о чем думается, год заранее выбран для пристального наблюдения за ним и за собой в течении его»¹. Виктор Пивоваров писал, что эти записки переворачивают душу. Трудно отрефлексировать, почему они производят столь сильный эффект. Возможно, действует полное отсутствие позы и маски, сочетание редкой эрудиции, широты внимания, острого взгляда и бредовых идей, нерасторжимость ощущения гениальности и сумасшествия. Предшествовал этим запискам печатавшийся в «Часах» текст «1974 год», – более эстетизированный, более похожий на литературу.

Дневники Евгения Михнова-Войтенко (тоже лишенные дат) не отличны от записной книжки. В этих записях как в его картинах нет и намека на конкретность. Нет быта, происшествий, природы; он ничего не описывает, не рассказывает – он фиксирует только мысль, часто в одной фразе. Фразы между собой не связаны, слова, понятия сопряжены неожиданным, логически невозможным образом. То ли сон наяву, то ли сознательная игра смыслами, ассоциациями. Иногда получается поэзия: «Загляни в мое одиночество. Посмотри мои бессонницы – перелистай»² Принадлежность этого занятия к литературе удостоверяется тем, что однажды он придумал для своих сентенций автора – Е. Гросса, «гениального дурака». Внутренний драматизм этого текста в том, что, с одной стороны, он как будто нарочно делает мысль неудобоваримой для чужого мозга, а с другой – едва ли не главный лейтмотив его записей – зритель, диалог, способность воспринимать. Этим озабочен человек, о котором мемуарист писал: «установить разборчивый разговор было совершенно невозможно»³. Но он пытался, дневники содержат его диалоги с друзьями, мне попадались перепечатки его разговоров с Александром Альтшуллером и Юрием Галецким.

Как у Михнова-Войтенко, большинство записей Рихарда Васми (обычно в блокнотах вместе с рисунками или на отдельных листах) это высказывания в одной фразе. От фраз Михнова мысль Васми отличается кристальной ясностью и законченностью. «Патриотизм подобен алкоголю: хорош в малых дозах». «В стихах мысль изреченная меньше ложь». «Всякое добавление к тексту суть умаление его». Одной фразы, иногда одного, двух-трех слов достаточно для образа или сюжета. Иногда это характеристика, филиппика, инвектива, выяснение понятий, сопоставление разных понятий, поиск связи разнородных явлений.

Александр Арефьев вел дневник снов, проанализированных не с точки зрения структуры: действующие лица, место действия, ситуация.

Дневники Ленины Никитиной 1950-х годов – экзистенциальны, в них почти религиозное отношение к правдивости, предельная и программная обнаженность. Считая скрытность трусостью, она давала их читать всем желающим. Исповедальность

¹ Богданов Л. Заметки о чаепитии и землетрясениях. М.: НЛЮ, 2002.

² Хозикова Л. Евгений Михнов-Войтенко: Жизнь вопреки правилам. СПб.: Типография «Береста», 2008. С. 356.

³ Воробьев В. Враг народа: Воспоминания художника. М.:НЛЮ, 2005. С. 238.

и существование на грани гибели делают их документом поразительной силы, жаль, что те, кому они достались после ее смерти, наверняка не опубликуют. Смыкаются с дневниками ее письма, которые она писала почти ежедневно, всем, кто попадал в поле ее зрения, причем тон, откровенность письма члену правительства или декану учебного заведения не отличны от письма к подруге.

Владимир Шинкарев в дневниках фиксирован преимущественно на отношениях с близкими, на своих обидах как на поэтической теме. В них виден писатель в точном отборе мелких деталей и непрерывном самонаблюдении.

Дневник Яшке изобилует иллюстрирующими текст рисунками, полон бытовых подробностей, происшествий, воспоминаний. Это густая, яркая, добротная проза, рождавшаяся готовой. Создается ощущение, что жить ему тяжело, а творить – легко.

Дневники и записки писались в эпоху подполья. Автобиографии и мемуары – за немногим исключением – после эпохи самиздата или когда художник перемещался на Запад. Примером служит огромная «Нецензурная автобиография» Вадима Филимонова, эпопея Леонида Болмата «Гнилое и думы», автобиографический материал содержится в книге «О вкусной и здоровой жизни» Александра Окуня.

К документальной литературе отнесу воспоминания художников о художниках, их написали многие. Есть созданные в 1960-1970-х годах. В 1967 году Татьяна Глебова написала о Филонове, в 1970-х – о Владимире Стерлигове. Первые тексты Анатолия Басина, включающие разнообразный материал о неофициальном искусстве, в том числе записанные им воспоминания Арефьева, создавались в 1970-е годы, тогда же печатались в самиздатовском журнале «Архив». После смерти Арефьева о нем написал Сергей Шефф и опубликовал в «Часах».

Из воспоминаний, писавшихся позже, отмечу Александра Флоренского: он их структурировал в виде пронумерованных абзацев, отразив тем самым, что любые воспоминания по сути состоят из отдельных эпизодов. Что заодно освобождало от необходимости быть связным.

Тексты, полностью посвященные изобразительному искусству, можно разделить на общие и посвященные конкретным произведениям.

К первым относятся рассуждения об искусстве, о каком-либо направлении или объясняющие собственное творчество. Это могут быть фрагментарные записи или законченный и предназначенный для обнародования текст. Виньковецкий в 1962 создал трактат «Живопись как процесс и результат», где, как ученый, сделал попытку анализа создания и восприятия живописи. Стерлигов писал свои невозможные для публикации, но обращенные к читателю тексты-проповеди: он патетичен и поэтичен, вещает и обличает. Глебова в многочисленных записях формулировала свое понимание искусства, определяла его понятия, общепринятые и введенные ею самой. Тексты Стерлигова и Глебовой перепечатывались и читались кругом близких художников и учеников.

Философски-искусствоведческие писания Басина имели форму свободного стиха: графически организованных, но часто семантически не скрепленных тезисов. Их

визуальная форма предлагала воспринимать их как род авангардного искусства. Вадим Воинов печатает в «Часах» текст «Функция-коллаж» об изобретенном им направлении.

Художники Сергей Шефф и Михаил Иванов, имевшие искусствоведческое образование, писали и распространяли в самиздате тексты, традиционно искусствоведческие. Статьи Шеффа и по истории искусства, и в связи с проходящими выставками регулярно печатались в «Часах».

Но профессионалов, обслуживающих художественный процесс, не хватало. И художникам приходилось брать на себя их функции. Хроники художественной жизни составлял Сергей Ковальский.

И далее художниками писались разного рода утилитарные тексты: сопроводительные к выставкам, для буклетов, когда стало возможно их печатать. Хотя это выходит за рамки темы самиздата, скажу о текстах Тимура Новикова и Владимира Шинкарева, поскольку они демонстрируют подход художника к такого рода деятельности.

Тимур Новиков, в школьные годы ходивший в Клуб юных искусствоведов при ГРМ, писал в манере, которую я бы назвала «пародийное искусствоведение». В своих текстах Тимур пользуется правами и свободами искусства: правом вольного обращения с фактами, свободой от серьезности; его приемами и средствами, в частности – гиперболизацией. (Об Африке он пишет: «Я надеюсь, его вклад в русскую культуру будет столь же весом, сколь весом был вклад его предшественников – Ломоносова, Пушкина, Маяковского»⁴). Действительные факты, точные детали и характеристики перемешены с фантастикой и ложью, все это он использует для мистификациями и мифотворчества. Я в его текстах вижу не только стёб, но и сатиру, направленную в том числе против его высоколобых апологетов. «...меня радует появление в культуре элемента осознания бессмысленности, бредовости амбиций, несостоятельности теоретизирования»⁵, – оговорился однажды он.

Шинкарев написал множество текстов для буклетов и каталогов выставок. При этом он не скован задачей, заложенной в этом прикладном жанре. В тексте для буклета выставки «Водка» речь идет не о картинах, а об особенностях алкоголизма каждого из экспонируемых художников. Текст в буклете подразумевает комплементарность, этому он как бы уступает, но хвалит обычно за что-то нехорошее. «Приятно видеть как беззастенчиво Флоренский нравится себе»⁶, – пишет он в буклете к выставке Александра Флоренского. Его писания прежде всего смешны, причем юмор аутентичен, тем особо привлекателен. С представляемыми им художниками он обращается так же, как с персонажами «Митьков», где ныне живущие люди выведены под своими

---

⁴Новые художники: 1982 – 1987: Антология/сост. Е. Андреева, Е. Коловская. [СПб.]: б. и., б.г. С. 79.

⁵ Там же. С. 90.

⁶В. Шинкарев Митьки. СПб.: Амфора, 2010. С. 161.

настоящими именами, но с отчасти вымышленными свойствами. Созданный им таким образом миф стал подлинным мифом: он не смог его разрушить, когда захотел. В «Конце митьков» он написал: все это — чистая беллетристика, нет ни одной фразы, вложенной мной в уста Мити, которую не я придумал! В моем тексте не реальный Дмитрий Шагин, а созданный мной персонаж, я случайно взял его имя! Но нельзя уничтожить миф.

Тексты художников, связанные с конкретными изображениями, можно подразделить на порожденные изображениями и порождающие его.

Изображениями порождались тексты сопроводительные, описывающие, комментирующие. Игорь Иванов написал о своих мотивах, Воинов создал «стихопроекции» к своим коллажам. Что до порождающих, то самиздатовский текст «Митьков», породил не только бесчисленные изображения, но, как известно, и группу под тем же названием. Текст стал ее манифестом и определил крен ее стилистики в сторону примитивизма. Это выразилось в том числе и в возвращении в левое изобразительное искусство сюжета. Митьковский миф сделался предметом изображения и у самого Шинкарева, и у художников, входивших в группу. Как только появилась первая часть «Митьков», Флоренский сделал к ней рисунки. Позже Василий Голубев создал на тему митьковского мифа серию линогравюр с подписями: уже его текстами на эту тему. А у Дмитрия Шагина тема митьков стала почти единственной. Примитивизм внедрился и в его словесное творчество: он писал стихи в форме частушек.

Литература густо насыщает творчество художников этой группы. Почти все они оказались способными ее производить. Иногда текст становится частью произведения. Рукописные тексты сопровождают графику Флоренского, сам его почерк входит в эстетику изделия. Трудно сказать, что первично: текст или изображение в его книге «Несколько сюжетов из периода моего героического пьянства». У Голубева в каждой картине присутствует текст, состоящий из нескольких слов, весьма выразительный, нечто издевательски-трогательное. Он фокусирует, проясняет, создает иронический настрой: например двухспальная кровать, с нее спрыгивает лягушка, текст: «Чуда не получилось». У Ольги Флоренской слова и буквы используются в качестве декоративных элементов ее коллажей.

Были группы, в которых занятие разными видами творчества входило в программу, таковы «новые художники», проповедовавшие вслед за футуристами ВЕСЕЧЕТВО. Почти все они что-то писали, преимущественно стихи. Их тексты восходили обычно к футуристическим и обеутским, частично их можно отнести к панк-литературе. У трансфутуристов была идея интеграция различных областей творчества друг с другом, интеграция литературы с живописью. Они изобретали новые жанры и виды поэзии. Но деятельность этой группы, так же как визуальная поэзия, остались за пределами этого сообщения.

Михнов

мое любимое занятие задавать свежие вопросы.

общение с другим словно попал в коробочку

как-то не вырвать какую-то цитату мракобесие как способ мирооправдания

лица постепенно пустеют они сворачиваются словно литья в трубочки

Богданов Заметки о чаепитии и землетрясениях. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Новые художники: 1982-1987: Антология/сост. Е. Андреева. Е. Коловская. — [СПб.] б. и., б.г.

Хозикова Л.Е. Евгений Михнов-Войтенко: жизнь вопреки правилам. — СПб, "Деловая информация"; типография "Береста", 2008